

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА, РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ДИДРО

В философском наследии Дидро значительное место занимают проблемы естественного права. Его взгляды формировались в идейной борьбе с теологическими представлениями о государстве и праве, роли религии и церкви в современном ему обществе. Дидро примыкал к представителям школы естественного права Гуго Гроцию и Пуфендорфу. Отказавшись от теологической оболочки их учения, он выступил против идеи о божественном происхождении власти и показал, что всякая власть имеет земное происхождение и зависит от людей. «Не члены общества созданы главою, а глава создан ими»¹.

Отвергая так называемое феодальное право, Дидро оценивал многие его положения как неправо и произвол, как нормы, обеспечивающие монархии свободу притеснения подданных. Будучи просветителем, он видел в праве общечеловеческую ценность. «Говорите себе чаще: я человек, и у меня нет иных подлинно неотъемлемых естественных прав, помимо тех, которые принадлежат человечеству» (7, 204).

Дидро является представителем рационалистического направления в интерпретации теории естественного права. В его учении право — это то, что предшествует закону и является выражением справедливости. Право есть принцип справедливости. В соответствии с этим тезисом справедливо не то, что существует, а общая воля, воля народов, равенство сословий и прав. Справедливо, чтобы каждый человек имел такие же права, как и всякий другой. Это достигается путем воспитания и просвещения не только всего народа, но прежде всего — законодателей. Только просвещенный законодатель, говорит Дидро, обладающий достаточно развитым интеллектом и имеющий познания в правилах законотворчества, в своей законодательной практике может адекватно отразить всеобщее требование справедливости.

Из учения Дидро о естественном, основанном на законах природы праве, вытекало то, что государство должно выражать волю большинства народа. «Воля отдельных лиц ненадежна, она может быть и богатой, и дурной, а общая воля всегда является благой, — она никогда не обманывается» (7, 204). Никакая личная воля не имеет права претендовать на господство над общей волей. Никто не может устанавливать законы, руководствуясь лишь личными соображениями. «Покорность всеобщей воле есть связующее начало всех обществ... Если даже предположить изменение понятия всеобщей воли у народов, то сущность естественного права от этого не меняется, ибо она всегда будет относительным выражением всеобщей воли и общего желания человеческого рода» (7, 205).

У Дидро тесно связано понятие естественного права с понятием естественного закона. Если естественное право является выражением общей воли, то естественный закон «есть вечный и неизменный порядок, которым мы должны руководствоваться в наших действиях». Вскрыть внутреннюю зависимость этих понятий мыслитель пытается через категории «добро» и «зло». Он утверждал, что естественный закон «основан на существенном различии между добром и злом» (7, 206). Хотя мнения людей о добре и зле весьма различны, тем не менее между ними есть существенное и объективное сходство. Это могут установить мыслящие люди. «Вечное различие добра и зла, нерушимый закон справедливости, устанавливается одобрением всех мыслящих и рассуждающих людей, ибо нет человека, которому в серьезных обстоятельствах не случилось бы добровольно преступать это правило, который не чувствовал бы при этом, что он действует против своих собственных принципов и против света своего разума и не упрекал бы себя за это втайне» (7, 206).

Дидро хочет доказать, что исторически существующие системы права необходимо содержат в себе в достаточной степени элементы разумного естественного начала, а не являются оторванным от реальной действительности результатом случайного стечения обстоятельств или продуктом чистого умозрения. Таким образом, его взгляды на естественное право и естественный закон логически вытекают из учения о человеке как существе биосоциальном.

Идея естественного права у Дидро приняла четко выраженную антирелигиозную направленность. Он выступил против теории «божественного права», делавшей бога творцом тех прав и законов, которые освещали социаль-

ную действительность. Нормы естественного права являются важным принципом оценки мыслителем существующего строя. «Вы имеете священнейшее естественное право на все, что у вас не оспаривается всем человеческим родом» (7, 204). Дидро последовательно стремился сузить сферу влияния духовенства на государственные институты. Социально-политическая концепция философа послужила методологической основой его взглядов на государственную власть и религию. Он систематически разоблачал религиозный фанатизм, утверждая, что церковь не должна вмешиваться в дела государства, что цели гражданского и религиозного общества различны. Вмешательство церкви в управление государством вело лишь к разнообразным злоупотреблениям, противоречащим общественным интересам. «Я не склонен допускать вмешательства в действия верховной власти тех лиц, которые проповедают перед сувереном волю высшего существа и говорят от имени этого существа все, что им вздумается» (10, 420). Однако, хотя Дидро и была близка идея отделения церкви от государства, он все же оказался в этом вопросе менее последовательным, чем в свое время Мелье.

Дидро видел, каким злом для народа является церковь с ее огромным аппаратом. Исходя из принципа общественного интереса, мыслитель показывает, что частные интересы класса имущих, в том числе и церкви, входят в противоречие с интересами всего общества. Он считает, что основой экономической структуры общества должен быть общий принцип: если человек хочет быть счастливым, то он должен считаться и с другими людьми, которые также хотят счастья. Человек не только не должен вредить другим людям, а более того, должен находить удовольствие в оказании добра другому. Вполне понятна поэтому неприязнь, которую вызывают у него монахи и монахини, давшие ложный обет бедности, отречения от мира, воздержания, которые много говорят о любви к ближнему, а в действительности действуют, исходя из своекорыстных, эгоистических интересов.

Дидро критикует христианство за стремление поддержать деспотические режимы, социальная деятельность которых находится в противоречии с общественными интересами. Рассматривая деспотическую власть как законченную систему несправедливости, он считает, что тем самым она подрывает основу собственного положения, становится неустойчивой. Пагубный характер носит и социальный облик деспотизма, делающего каждого подданного рабом высшей власти. Испытывая на себе ненависть всего общества, деспотизм оказывается бессильным перед лицом этой ненависти, поэтому он обречен на неминуемую гибель. Дидро показал, что тирания и религия одинаково враждебны народу, что между ними существует тесный союз и что религия и церковь своим авторитетом прикрывают произвол и насилие. Несмотря на то, что короли, говорит он, представляют собой лишь надменных тиранов, а народ является лишь рабом под их деспотическим игмом, тысячи льстецов угрожают им во всем, выдавая их пороки за добродетель. «Не будучи в состоянии один пользоваться своей тиранической властью и сгибать народ ярмом своих распущенных желаний, он (тиран) вынужден вступать в союз со своими испорченными министрами. Его выбор непременно падет на людей развращенных, знающих справедливость лишь для того, чтобы нарушать ее, добродетель — чтобы унижать ее, законы — чтобы обходить их» (7, 241). Особенно преуспели в этом служители религии. Священники поддерживают и одобряют установление непосильных налогов, разорение горожан и сельских жителей, развязывание кровопролитных войн. Более того, духовенство, возгордившееся своей властью, нередко оспаривало права у королей. Дидро постоянно указывал на то, что церковь всегда выступала притеснительницей политических свобод. «Горе нации, у которой воспитание юного короля вверено священнику! Священник будет воспитывать короля для бога, то есть для самого себя. Он станет вбивать ему в голову два принципа: отказ от разума и глубокую преданность религии; он постарается развить в нем нетерпимость и независимость от всякой другой власти, кроме власти божьей» (10, 422). Дидро отмечал, что связь религии с политикой установилась еще в давние времена. Уже у древних египтян политическое и религиозное были взаимосвязаны. У египтян цари подлежали надзору жрецов. Монархи, не угодные богам, получали от их служителей повеление убить себя.

Говоря о тесной связи и взаимовыгодном союзе религии с деспотизмом, Дидро обращал внимание на то, что в сложные периоды истории они защищают друг друга и помогают друг другу. Часто монархия просила содействия у церкви в борьбе против социальных движений своего времени. С другой стороны, если христианская церковь не могла своими силами справиться

ся с еретическими движениями и вольнодумцами, она обращалась за помощью к светской власти. «Когда народу возвещают какой-нибудь догмат, противоречащий господствующей религии, или что-нибудь противное общественному спокойствию, то пусть провозвестник даже подтверждает свое призвание чудесами: правительство имеет право прибегнуть к мерам крайней строгости» (1, 108).

Как и другие французские материалисты, Дидро усматривал отсталость той или иной страны не в трудностях экономического развития, а в засилии деспотизма и религии, которые всегда были тормозом развития человечества, препятствием на его пути к счастью. «Я охотно сказал бы государям: если вы хотите, чтобы ваши законы соблюдались, пусть они никогда не противоречат природе; я сказал бы духовенству: пусть ваша мораль не препятствует удовольствиям невинного характера. Громите, угрожайте сколько будет угодно, открывайте перед нашими глазами врата ада — вы все равно не загляните во мне желания быть счастливым. Желание быть счастливым есть первая статья того кодекса, который предшествует всякому законодательству, всякой религиозной системе» (10, 440—441).

Дидро справедливо отмечал, что светская власть пользуется религией, как политическим средством угнетения своих подданных. «Дурные короли нуждаются в дурных богах, дабы у них черпать примеры для своей тирании; они нуждаются и в священниках для того, чтобы заставить почитать этих богов-тиранов» (10, 421). Отмечая тесную взаимосвязь государства и религии, исследователь приближался к верному пониманию реакционной социальной роли религии, но тем не менее его рекомендации сводятся к тому, что мудрая и просвещенная политика должна строго предписывать священникам темы, на которые они могут говорить публично, и не позволять им отклоняться от этих тем под угрозой тяжких кар. Важно отметить, что Дидро настаивал на подчинении религии и церкви интересам государства, на ограничении политической активности ее служителей. Он считал, что церковь должна вести свою деятельность только исходя из интересов всего общества. Это, конечно, не самое радикальное требование к религии и церкви, но тем не менее положительное значение его не следует упускать из виду.

Критикуя связь религии с монархией, понимая, что в системе монархического режима невозможно ликвидировать религию, он ограничивался рекомендациями, направленными против религии. «Расстояние между алтарем и тронном должно быть как можно большим. Опыт всех времен и всех стран показал, сколь опасным для трона является близкое соседство алтаря» (10, 420). Он не видел классовой основы этой связи, которая основывалась на феодальной собственности на орудия и средства производства, на феодальной эксплуатации, не понял, что корни религии лежат в любом эксплуататорском способе производства, что и новые, идущие на смену феодальному способу производства, буржуазные экономические отношения, в основе которых лежит все та же эксплуатация человека человеком, не смогут ликвидировать, а лишь только приспособят религию к своим нуждам и целям.

В трудах Дидро довольно остро ставился вопрос о несовместимости религиозной идеологии с политической свободой. «Любой разумный человек, окинув беспристрастным взором все земные религии, не может не усмотреть в них сплетение сумасбродных и лживых утверждений, систему, в которой имеются следующие ранги: бог, жрец, король, народ. Может ли суверен согласиться на такой порядок? Даже в демократическом государстве религия приводит к печальным последствиям» (10, 422).

Постоянно разоблачая связь религии с политическим деспотизмом, Дидро считал, что народы до тех пор не обретут свободы, пока не освободятся от опоры на религию, которая губит возведенное на ней здание. «Поэтому мой совет суверенам: унижайте, сколько вы можете, ту систему лжи, которая унижает вас самих» (10, 422). Дидро связывает свои надежды с просвещенным монархом, что, безусловно, ослабляет его критику политического союза религии и деспотизма. Тем не менее его идеи о реакционной роли религии и церкви в общественной жизни и их несовместимости с политической свободой не утратили актуальности. Однако политическая критика религии у Дидро не переросла в критику ее социально-классовой основы. Это связано с тем, что он рассматривал духовенство не как элемент классовой системы феодализма, а лишь как социальную группу, относящуюся к имущим слоям общества. Необходимо отметить и то, что французский мыслитель преувеличивал роль религии в жизни общества: в ней он видел источник всех зол и несчастий, включая экономическую отсталость страны. Дид-

ро не понял, что могущество церкви лишь отражало степень господства феодализма, препятствующего развитию новых экономических отношений. Идеалистическим, по существу, было и его мнение о том, что с устранением религии исчезнут все проблемы.

Анализируя политическую и правовую действительность, Дидро решительно отвергал религиозную трактовку политики и права. Целью государства, по его мнению, является примирение с помощью закона противоречий между всеобщей и индивидуальной волей и подчинение индивидуальной воли всеобщей.

Во взглядах на право Дидро придерживался рационалистической трактовки теории естественного права. Он рассматривал соотношение права и закона через категории добра и зла, вечное различие которых считал нерушимым законом справедливости.

¹ Дидро Д. Собр. соч. Т. 10. С. 464. Дальнейшие цитаты даются в тексте с указанием тома и страницы издания (в скобках).

Ж. М. ГРИЩЕНКО, А. В. ДОРИН

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ПОЛИТИКА

Влияние общественного мнения на реальную политику нестабильно. Нестабилен и уровень его притязаний, категоричности: просьба, рекомендация, ультимативное обращение.

Правомерно говорить о конкретных формах влияния общественного мнения на официальные политические институты. На наш взгляд, эти формы могут быть следующими: а) одобряет предполагаемые политические решения и создает таким образом властям психологический режим уверенности в принятии и осуществлении этих решений; б) выражает протест в отношениях каких-либо фактически принятых решений, выступает за их отмену; в) требует выполнения каких-либо принятых решений; г) предлагает властям свои варианты решений.

Игнорирование общественного мнения в политике порождает кризис доверия к властным органам, конфликтность между ними и общественностью, а в условиях демократической системы это приводит и к краху политической карьеры государственных деятелей. Известны случаи, когда принимаемые в разрез с общественным мнением политические решения оказывались эффективными, время доказывало их правомерность, а вместе с этим менялось и общественное мнение об этих решениях и принимавших их официальных лицах. В данном плане можно выделить две ситуации, различные по характеру и вероятным последствиям: 1) принимается политическое решение, а затем происходит его осознание общественностью и вырабатывается негативная оценка этого решения; 2) предлагаемое к принятию политическое решение уже заранее не одобряется общественным мнением; таким образом, официальное принятие этого решения происходит как откровенный вызов общественности и сложившейся в ее сознании установке.

Соответствие политики общественному мнению не всегда возможно и эффективно. Во-первых, это связано с тем, что по многим проблемным и внезапно возникающим фактам политической жизни оно просто отсутствует, т. е. сознание общества не успевает среагировать на эти факты какими-либо представлениями из-за свойственной ему инерционности. Но отсутствие общественного мнения не объясняется только инерцией сознания. Общество не может постоянно находиться в состоянии политизации, которое характеризуется такими чертами, как озабоченность политикой, интерес к политике, сосредоточенность внимания на политике и высокие ожидания от политики, активизация процессов общения по поводу политики.

Во-вторых, общественное мнение не всегда справедливо и право. Значительная часть политических вопросов действительно может быть успешно решена и на уровне обыденного сознания. Но в политике, как и в других областях социальной жизни, существуют проблемы, для решения которых необходима компетентность: экспертный анализ, опыт и культура политического мышления, обработка и использование большого объема информации. Вопрос о границах компетентности общественного мнения требует прикладного изучения.

В-третьих, общественное мнение чаще всего не бывает единогласным. Бу-